

СПЯЩИЙ ВЕЛОСИПЕДИСТ

1.

Уткнувшись носом в одуванчик,
спит у дороги пьяный мальчик
годков примерно тридцати.
Над ним склонился нежно воздух,
храня его печальный роздых
на долгом призрачном пути.

Не смог сойти с велосипеда,
лежит в траве, а рядом лето
и небо в пятнах облаков.
Он спит, и сны его просторны,
в них световые ходят волны,
и мир без трещин и углов,

омытый ими, возникает,
слегка качается и тает,
и проявляется опять.
В нем поле, дальняя чащоба,
в нем одинокая зазноба
вдруг принимается рыдать...

Он спит.
Мураш ползет с ботинка,
и одуванчика пушинка
щекочет темную ноздрю.
Блестит фонарь велосипедный.

Железный конь и всадник бледный
лежат у бездны на краю.

2.

...И мир обрывается бездной моей.
И, кажется, нету начала
у этой дороги, у этих полей,
у жизни, что просто устала,

и мягко легла в молодую траву,
в утешную темень растений.
И станет все то, что болит наяву,
лишь частью стороннего зренья.

И голову путник поднимет с руки,
овеянный светом проточным,
став пламенем темным любви и тоски
и музыкой горькой полночной.

Отдаленный гром

Слышишь ли ты в отдалении гром?
Дева лежит на лугу золотом,
книга раскрытая рядом,
кружка с остатками кофе в траве.
Облако мягко плывет в синеве,
словно толкаемо взглядом.

Чуешь, воздушные скрепы дрожат?
Выгнувшись туго, тихонько скрипят
доски высокого света,
как половицы в просторном доме, —
держат над миром идущую тьму,
рокот, катящийся где-то.

Господи, где же ты, радость моя?!
Небо натянуто на острия
елей сухих у дороги.
И в напряженье звенит тишина...
И в моем сердце все так же одна
дикая зоркость тревоги.

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Л. А.

Пространства музыкальная шкатулка —
мудреная таинственная штука.
Громадный вал распластан, недвижим,
он — поле золотое кукурузы,
земное сердце всевозможных музык,
когда проходят небеса над ним,

стеблей касаясь незаметным гребнем,
и в воздухе, еще почти что летнем,
шуршит листва сухая, но уже
над нею звуки так чисты и тонки.
И кажется, что ангел одинокий
в свечении возникнет на меже.

* * *

Подняв лицо, сидеть, глядеть в зенит —
там облачное дерево летит,
на перья распадаясь и на волны,
на дальний берег, синевой пронзенный.

Промыть бы зренье смертное хоть раз —
каким свеченьем окатило б нас!

И остается только и всего
не убояться чуда Твоего.

* * *

Агапе

Вот девочка у грозных облаков,
широкою рекою отраженных,
изрытых плугом северных ветров
и пламенем багровым освещенных,

сидит в траве, чего-то там поет
и ковыряет камушек ботинком,
и не боится помрачневших вод...
Беспечная певунья и соринка

в глазу пространства хищного. Оно
сквозь дрожь слезы в тебя глядит невнятно.
А посему — тyani свое вино,
перебирай пучки сушеной мяты,

коли дрова, простужен и небрит,
на лавке гладь соседского мурлыку —
пока у неба девочка сидит.

Вот оглянулась...
Кто ее окликнул?

* * *

А в поле чистом — стол и табурет,
и никого и ничего на свете,
и только вещи брошенные эти.
Была бахча, теперь ее уж нет.

Еще есть свет, идущий изнутри
сухой травы,
и куст чертополоха,
и трель цикады не длиннее вдоха.

Ну вот и все...
Садись и говори.